

Часть I

1

Саффи
Апрель 2018 года

Я сижу в саду перед домом, выпалывая сорняки, которые лезут из-за краев подъездной дорожки, словно огромные пауки, и слышу крики — низкие и утробные. Строители орудуют механическим копателем в саду с обратной стороны дома. Все утро, пока подстригала розовый куст под окном гостиной, я слышала ритмичные удары, похожие на неотступную головную боль, — их доносил ветер с той стороны. Но сейчас они умолкли. Этого достаточно, чтобы заставить мое сердце забиться чаще. Снежок — бабушкин маленький уэстхайленд-терьер, лежащий рядом со мной, — насто-раживает уши. Я поворачиваюсь к коттеджу, чувствуя, как пот стекает у меня между лопаток. Что-то случилось? Я представляю себе вывернутые суставы и сочащуюся кровь — резкий контраст с синим небом и ослепительным светом солнца, — и в желудке у меня словно образуется камень. У меня и в лучшие-то времена пищеварение не было идеальным, но на четырнадцатой неделе беременности я по-прежнему страдаю утренней тошнотой — точнее, утренней, дневной и вечерней.

Встаю, мимоходом глянув на пятна грязи на коленях моих джинсов — эти джинсы мне все еще по размеру, хотя пояс сделался тесноват. Прикусив внутреннюю

поверхность щек, я собираюсь с силами, мысленно браня себя за нерешительность. Снежок тоже встает, уши его по-прежнему настрожены; он коротко гавкает, когда один из строителей — Джонти, молодой красавчик, — неожиданно появляется из-за угла дома. Он бежит ко мне, размахивая бейсболкой, чтобы привлечь мое внимание, на его футболке под мышками темнеют пятна пота, песочно-белокурые локоны подрагивают на каждом шагу.

Черт, он собирается сообщить мне о каком-то несчастном случае... Я подавляю желание броситься в противоположную сторону и вместо этого заслоняю глаза от солнца, ярко озаряющего сад и черепичную крышу дома. Джонти, похоже, цел и невредим, но, когда он подбегает ближе, я вижу на его веснушчатом лице потрясение.

— Кто-нибудь поранился? — спрашиваю я, стараясь, чтобы паника не просочилась в мой голос. О боже, мне придется звонить в «скорую помощь»! Я никогда в жизни не набирала номер 999. И мне становится нехорошо при виде крови. В детстве я собиралась стать медсестрой — до тех пор, пока не упала в обморок при виде колена моей лучшей подруги, разбитого при падении с велосипеда.

— Нет. Извините, что беспокою вас, — выговаривает он, тяжело дыша, так что слова буквально налезают одно на другое, — но мы нашли кое-что. Вам лучше взглянуть. Быстрее.

Я роняю свои хозяйственные перчатки на траву и вслед за ним иду вокруг дома, гадая, что бы это могло быть. Снежок следует за мной по пятам. Может быть, они нашли сокровище? Какой-нибудь реликт, который

можно выставить в музее? Но эти крики!.. В них не слышалось радости от обнаружения чего-то ценного. В этих криках звучал страх.

Я жалею, что здесь нет Тома. Мне неудобно общаться со строителями, пока он на работе: они постоянно задают вопросы, ожидая, что я приму решения, в которых могу ошибиться; к тому же я никогда не умела командовать. Нам с Томом по двадцать четыре года, мы три года назад окончили университет. Все это — переезд из квартиры в Кройтоне в старинного вида деревню Беггарс-Нук в Котсуолде, в коттедж с видом на лес, — случилось ужасно неожиданно. Подарок-сюрприз.

Джонти ведет меня в сад позади дома. До прихода строителей этот сад выглядел идилически: разросшийся кустарник, жимолость, обвившаяся вокруг шпалер, а в дальнем углу — альпийская горка, заросшая анютиными глазками всех оттенков розового и фиолетового. Теперь здесь торчит уродливый оранжевый копатель, окруженный высокими грудками земли. Двое других строителей — Даррен, примерно тридцати пяти лет, с хипстерской бородой, начальник этой бригады, судя по его уверенному поведению, и Карл, примерно моего возраста, мускулистый, как игрок в регби, — смотрят вниз, в яму, которую они выкопали. Руки их уперты в бока, тяжелые ботинки утопают в рыхлой почве. Они совершенно синхронно поворачивают головы, когда я подхожу ближе. На их лицах отражен одинаково сильный шок, но в глазах Карла сверкает что-то похожее на возбуждение. Я прослеживаю его взгляд и замечаю в почве проблеск чего-то желтовато-белого, торчащего, словно осколок фарфора. Инстинктивно

опускаю руку и хватаю Снежка за ошейник, чтобы помешать ему прыгнуть в яму.

— Когда мы копали, мы нашли... *что-то*, — произносит Даррен, складывая руки на груди, обтянутой испачканной футболкой.

— Что? — Снежок рвется у меня из рук, и я усиливаю хватку.

— Останки. — Лицо Даррена мрачнеет.

— Останки... животного? — спрашиваю я. Даррен и остальные переглядываются.

Карл выходит вперед — уверенно, почти ликующе, от его шагов с земли поднимается пыль.

— Это похоже на руку...

Я в ужасе отшатываюсь назад.

— Вы хотите сказать... это человек?

Даррен смотрит на меня с сочувствием.

— Думаю, да. Вам лучше позвонить в полицию.

2

Том приезжает домой через два часа, и все это время я неустанно продолжаю рассказывать по нашей крошечной кухне. Она выглядит как реликт восьмидесятих годов двадцатого века: с типично фермерской обстановкой и изображениями толстеньких свиней и овец на настенной плитке. Нам удалось втиснуть сюда дубовый стол из нашей квартиры, хотя мы можем выдвинуть из-под него только два стула из четырех. Вскоре после переезда, в феврале, мы устроили домашнее «заседание» с архитектором, невысоким лысеющим мужчиной лет шестидесяти по имени Клайв, — у него хорошая репутация среди местных жителей. Совмест-

но мы спланировали изменения в этой части дома: кухня должна быть увеличена на всю ширину коттеджа, в большой сад будет выходить окно во всю стену, в стальном переплете и с отдельной дверью. И, если честно, это отвлекло меня от беременности, которая до сих пор вызывает у меня тревогу, хотя я прошла обследование на сроке в двенадцать недель и все, похоже, нормально. Но меня терзают сомнения. Что, если у меня случится выкидыш? Что, если у ребенка случится задержка роста, или он родится слишком рано, или вообще мертвым? Что, если я не смогу справиться с появлением ребенка на свет или буду страдать от послеродовой депрессии?

Беременность не была запланированной. Мы с Томом говорили об этом вскользь — «возможно, через пару лет, после свадьбы», — но мы были в самом начале своего карьерного роста и откладывали деньги на депозит, чтобы купить собственную квартиру. Дети и свадьбы были для нас каким-то далеким событием — когда мы станем старше. Когда мы станем взрослыми. Но я заболела желудочным гриппом и забыла принять дополнительные меры предохранения. И вот к чему привела эта оплошность. *Ребенок.* Я буду молодой мамой, хотя и старше, чем была моя собственная мама, когда я появилась на свет.

Снежок валяется на своей лежанке у плиты, положив голову на лапы, и наблюдает за тем, как я расхаживаю по кухне. Сквозь окно в свинцовом переплете вижу суету на заднем дворе. На половину лужайки растянута огромная белая палатка; туда то входят, то выходят полицейские и люди в защитных комбинезонах криминалистов, у одного офицера на шее висит фото-

камера. Вокруг палатки натянута яркая желтая лента, трепещущая на легком ветерке. По всей ее длине напечатана надпись «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН», и каждый раз, когда она попадает на глаза, я чувствую тошноту. Она может выглядеть как реквизит из криминальной драмы, идущей по телевизору, но само ее присутствие подчеркивает реальность ситуации. Я была удивлена (и, честно сказать, немного горда) тем, как быстро я взяла ситуацию под контроль, едва оправившись от шока. Сначала позвонила в полицию, а затем, после того как все дали показания, отправила строителей домой, сказав, что сообщу им, когда они смогут возобновить работу, хотя мое сердце все это время неистово колотилось. Затем я позвонила Тому в его лондонский офис; он сказал, что приедет домой ближайшим поездом.

Я слышу, как «Ламбретта»¹ Тома подъезжает к крыльцу; он всегда хотел такой мотороллер и купил себе его — правда, подержанный, — когда мы переехали сюда. Он ездит на нем на станцию и обратно. Это дешевле, чем содержать две машины, — ведь все свободные деньги, которые мы накопили, ушли на расширение дома.

Потом хлопает входная дверь. Том вбегает на кухню, его лицо выражает сильное беспокойство. На нем очки в модной черной оправе, которые он купил, когда начал работать в финансовом отделе технологической компании больше года назад. Том считает, что они придают ему больше серьезности. На лицо падает

---

¹ «Ламбретта» — знаменитая марка итальянских мотороллеров.

светло-русская челка, джинсы плохо сочетаются с льняной рубашкой и с пиджаком. Что бы он ни надел, все равно будет выглядеть как студент. От него пахнет Лондоном — дымом, поездами, латте навынос и чужими дорогими запахами. Снежок вьется вокруг наших ног, и Том наклоняется, чтобы рассеянно погладить его, но все его внимание приковано ко мне.

— О господи, с тобой все хорошо? Такой шок... как ребенок? — спрашивает он, выпрямляясь.

— Все в порядке. Мы в полном порядке, — отвечаю я, защитным жестом кладя ладони на свой живот. — Полиция все еще в саду. Они опросили меня и строителей, а теперь повесили ограждающую ленту, поставили палатку и все такое.

— Черт. — Том смотрит мимо меня в окно, на то, что творится в саду, и выражение его лица на несколько секунд делается мрачным. Затем он поворачивается ко мне. — Они что-нибудь сообщили тебе?

— Совсем немного. Это человеческий скелет. Кто знает, как долго он там пролежал... Насколько я знаю, ему может быть несколько сотен лет.

— Или он мог остаться со времен римского владения, — говорит Том, криво улыбаясь.

— Вот именно. Возможно, он лежал здесь еще до того, как построили Скелтон-Плейс. То есть до... — Я хмурюсь, понимая, что не могу вспомнить дату.

— Тысяча восемьсот пятьдесят пятого года. — Конечно, Том это знает. Ему достаточно прочитать что-то один раз, чтобы запомнить. На викторинах он всегда первым отвечает на вопросы в разделе «Общезвестные» и постоянно ищет всякие мелкие факты на своем смартфоне. Он — полная противоположность мне: спо-

койный, прагматичный, никогда не реагирует на что-либо слишком остро. — Хотя это выглядит достаточно серьезно, — вслух размышляет Том, не отрывая взгляда от того, что творится в саду.

Я смотрю туда же. Появляются еще несколько полицейских с поисковыми собаками на поводках. Неужели следователи подозревают, что здесь есть еще трупы? Мой желудок сжимается.

Том снова поворачивается ко мне, его голос серьезен:

— Мы уж точно не ожидали такого, когда переехали в деревню.

Несколько секунд мы молчим, потом начинаем нервно смеяться.

— О господи, — говорю я, прервавшись. — Мне кажется, сейчас не время для смеха. Все-таки это была чья-то смерть...

Но эти слова вызывают у нас новый приступ хохота.

Многочисленное покашливание заставляет нас умолкнуть, и, повернувшись, мы видим женщину-полицейского в форме, стоящую у задней двери. Это дверь сделана в «конюшенном» стиле¹, и сейчас открыта только верхняя половина, поэтому женщина, по пояс скрытая нижней половиной двери, выглядит так, будто собирается показать кукольное представление. Да и смотрит она на нас словно на непослушных школьников. Снежок начинает лаять на нее.

— Спокойно, все хорошо, — говорит Том, обращаясь к псу.

---

¹ «Конюшенный» стиль — конструкция двери, при которой верхняя и нижняя половины открываются отдельно, как в стойле.

— Извините, что вмешиваюсь, — говорит женщина, однако, судя по ее виду, это извинение — просто формальность. — Я стучала, но никто не ответил. — Она открывает нижнюю половину двери и теперь стоит на пороге во весь рост.

— Ничего страшного, — отзывается Том и отпускает Снежка, который тут же бросается к женщине, чтобы обнюхать ее брюки. С легким раздражением та отодвигает его ногой.

— Полицейский констебль Аманда Прайс. — Она старше нас лет на пятнадцать, с темными волосами и пронзительными голубыми глазами. — Могу я получить подтверждение того, что вы являетесь владельцами этого дома? Том Перкинс и Саффрон Катлер?

Формально владелица — моя мать, но я не хочу усложнять ситуацию упоминанием об этом.

— Да, — подтверждает Том, выразительно взглянув на меня. — Это наш коттедж.

— Тогда все верно, — констебль Прайс кивает. — Боюсь, нам придется немного задержаться здесь. Есть ли кто-нибудь, у кого вы могли бы остановиться на ночь? Может быть, на выходные?

Я думаю о Таре, которая сейчас живет в Лондоне, и о моей школьной подруге Бет, в Кенте. Друзья Тома проживают либо в Пуле, откуда он родом, либо в Кройдоне.

— Мы живем здесь совсем недолго, у нас еще нет друзей поблизости, — отвечаю я, и это заставляет меня задуматься о том, насколько мы изолированы здесь, в этой деревне в самой глуши.

— Ваши родители живут поблизости?

Том качает головой.

— Мои родители в Пуле, а мама Саффи в Испании.

— Мой папа живет в Лондоне, — добавляю я. — Но у него только двухкомнатная квартира...

Констебль хмурится, словно считает все эти сведения совершенно излишними.

— Тогда позвольте предложить вам временно переехать в гостиницу, только до воскресенья. Полиция оплатит вам расходы за причиненные неудобства. Это только на то время, пока на месте преступления идут раскопки.

Слова «место преступления» и «раскопки» вызывают у меня тошноту.

— Когда можно будет возобновить строительство? — спрашивает Том.

Констебль вздыхает, как будто этот вопрос совершенно неуместен.

— Боюсь, вы не сможете пользоваться этим садом, пока не закончатся раскопки и вывоз скелета. Вам придется подождать, пока не поступят сведения из SOCO. Из отдела следственной криминалистики, — уточняет она, когда мы смотрим на нее с озадаченным выражением лица.

— Так вы считаете, что это преступление? — спрашиваю я, бросая на Тома обеспокоенный взгляд. Он пытается улыбнуться мне, чтобы успокоить, но эта улыбка напоминает гримасу.

— Мы рассматриваем это как место преступления, именно так, — говорит Прайс, как будто считает меня невероятно глупой. Но никакой другой информации она нам не дает, и я чувствую, что спрашивать бесполезно.

— Мы живем здесь всего несколько месяцев, — повторяю я, сочтя необходимым объяснить это — на случай, если суровая дама-офицер решит, будто мы могли

иметь к этому какое-то отношение... будто у нас есть привычка прятать трупы в саду. — Он мог лежать здесь годами... столетиями, возможно...

Но выражение ее лица заставляет меня умолкнуть.

Констебль Прайс поджимает губы.

— Я не имею права сообщать сейчас что-либо еще. Криминалисты дали запрос на присутствие судебного антрополога, дабы подтвердить, что кости человеческие. Мы будем держать вас в курсе.

Я думаю о руке, которую видел Карл, — по его собственным словам. Вряд ли приходится сомневаться в том, что останки человеческие. После нескольких секунд неловкого молчания констебль Прайс собирается уходить. Затем останавливается, как будто что-то внешне вспомнив.

— Ах да, и не могли бы вы покинуть этот дом в течение часа, будьте так любезны?

Мы смотрим, как она выходит в сад на нашем заднем дворе, в этот ужасный мир полицейской криминалистики, и я стараюсь не заплакать. Том молча берет меня за руку, будто не находя слов утешения.

И вдруг до меня доходит, что это действительно происходит. Дом нашей мечты, наш прекрасный коттедж, теперь стал местом преступления.

К счастью, в деревенской гостинице «Олень и фазан» есть свободный номер, где мы можем остановиться, и туда можно заселяться с собаками. Каждый из нас собирает себе одну сумку с вещами, и Том настаивает на том, чтобы нести обе, а я беру Снежка на поводок.